

Е. СТАРИКОВ

НОВЫЕ ПРОФСОЮЗЫ ПЕРЕД СОБЛАЗНОМ ФАШИЗМА

1

Начиная с 1994 года число забастовок резко возросло и в настоящий время продолжает расти. В I квартале 1994 года их количество по сравнению с тем же периодом предыдущего года увеличилось в 10,3 раза. За пять месяцев 1995 года забастовок произошло в 2,2 раза больше, чем за соответствующий период 1994 года, в 4 раза увеличилось количество трудовых споров. Главные причины забастовок — задолженность федерального бюджета и хроническая задержка зарплаты, чем грешит каждое второе предприятие, несправедливая оплата труда, отсутствие механизма взаиморасчетов, рост безработицы, постоянный рост цен на продукты и предметы первой необходимости. По результатам нескольких опросов ВЦИОМ 1994—1995 годов большинство респондентов указывают на хронический характер трудовых конфликтов и отсутствие выработанных механизмов их разрешения. Резкий же рост числа забастовок в 1994—1995 годах объясняется тем, что именно в этот период произошло сокращение реальных доходов населения и уровня реального потребления, причем как этих процессов приходится как раз на губеж 1994—1995 годов¹. Тем не менее острых конфликтов пока нет, а забастовки носят очаговый характер. Но это не означает, что так будет всегда. Существовавший в начале реформ запас финансовых и материальных ресурсов у населения уже исчерпан. Полностью исчерпан «запас прочности» отраслей социальной сферы (здравоохранение, среднее и высшее образование, наука). Не созданы эффективные условия для развития малого и среднего бизнеса, хозяйствования на земле.

Статично-хронический характер приобретает и противостояние между рабочими и директоратом. Последний даже в условиях фактического банкротства предпринимает себе тиранские денежные оклады. Проблема задолженности рабочим по зарплате также зачастую лежит не на совести федерального бюджета, а носят криминальный характер. Справоцированные таким образом забастовки носят в своем подавляющем большинстве стихийный характер, мало связанны даже с профсоюзами, в органы государственной власти, суды и прокуратуры нередко оказываются на стороне криминального менеджмента.

По мнению Евгения Красникова, «организованного профсоюзного движения со своей концепцией и логикой борьбы в России до сих пор нет. Тем более в кризисном рабочем движении отсутствует какой-либо элемент социал-демократической идеологии» («Позитивная газета», 1994, 10 июня). На вопрос ВЦИОМ: «Есть ли на вашем предприятии профсоюз?» — третья респондентов ответила, что профсоюза нет, половина — что, кажется, есть, но ничего не делает. Лишь на пятой части предприятий обнаружился хоть как-то работающий профсоюз. Причина такого положения, по мнению Л. Алексеевой, автора статьи «Рабочий класс не перепутай», в том, что «рост профсоюзного движения происходит в годы экономиче-

¹ «За два квартала (к IV кварталу 1994 года) реальная оплата труда упала почти на 1%. Резко ухудшилось положение низкодоходных групп. Если во II полугодии прошлого года среднедушевые доходы наименее обеспеченных 30% населения составляли 60—100% от стоимости набора 19 продуктов питания, то в I и во II кварталах текущего года — соответственно 65 и 76%» («Финансовые известия», 1995, 25 марта).

ского подъема. В периоды спада производства, закрытия предприятий и безработицы объединение людей идет гораздо труднее. Тем не менее профсоюзы в России по-прежнему возникают» («Молодой коммунар», Тула, 1994, 10 августа).

В России существуют уже десятки различных профсоюзов, занимающих зачастую антагонистические позиции. Для разногласий есть много объективных причин: на полярно противоположное экономическое положение разных отраслей и предприятий накладываются различия в технологическом уровне профессий, а также разные социальные установки самих тружеников. Как правило, общую ненависть новых профсоюзов вызывает ФНПР — номенклатурная наследница бывшего ВЦСПС. На этом пункте крайности сходятся. Например, на ЗИЛе против ФНПР дружно борются коммунистический профсоюз «Защита» и идеологически противостоящий коммунистам СОЦПРОФ.

Свободные профсоюзы в России начали возникать после того, как в июле 1989 года шахтеры собрали свой первый съезд и выразили недоверие ВЦСПС. Как пишет председатель профсоюза тружеников горно-металлургической промышленности РФ Борис Мисник, «так родился Независимый профсоюз горняков, Федерации профсоюзов авиадиспетчеров, профсоюзы машинистов локомотивных бригад, моряков, докеров, целый ряд профсоюзов Соцпрофа и другие. Без значительных средств, без собственности, без информационной поддержки, в условиях противодействия почти всех властных структур они медленно и трудно приобретают черты настоящих профсоюзов и уже представляют растущую угрозу профструктур ФНПР, поскольку зачастую выражают совсем иную точку зрения на происходящее в стране» («Известия», 1993, 21 октября).

По сравнению с «госпрофсоюзом» свободные профсоюзы относительно малочисленны. Но эта малочисленность компенсируется двумя факторами — субъективным и объективным. Субъективный фактор: создаются они, как отметил социолог Виктор Комаровский, прежде всего в среде людей с развитым профессиональным сознанием — шахтеров, летчиков, докеров, диспетчеров, машинистов. Объективный фактор: действуют свободные профсоюзы в жизненно важных для страны отраслях и крайние формы их активности — забастовки — способны буквально парализовать страну.

2

Роль политических партий в рабочей среде крайне мала. Этому способствует негативный опыт блокирований свободных профсоюзов с политическими объединениями на выборах в Федеральное собрание, наложившийся на еще более ранний (и также негативный) опыт общения с социал-демократами. Сегодняшний опыт также негативен: «Несмотря на свою изначально демократическую ориентацию, альтернативные профсоюзы до сих пор ходят в пасынках у «демократов во власти», которые предпочитают иметь дело все с той же ФНПР» («Общая газета», 1994, № 1). И тем не менее профсоюзы все более политизируются. Многие политические лидеры и партии по-прежнему пытаются использовать членов свободных профсоюзов в качестве своей «политической пехоты», а профсоюзы пытаются заимствовать собственные политические партии. Так, еще в конце декабря 1993 года пленум Координационного совета СОЦПРОФа принял решение о необходимости создания «политической структуры, связанной с профсоюзами». В мае 1995 года было объявлено о создании предвыборного левоцентристского блока «под эгидой» и «на базе» ФНПР («Известия», 1995, 22 июня). Примеры того, как профсоюзы «полезли в политику», можно множить. Но главное заключается в том, что, обжегшись на сотрудничестве с «демократами», свободные профсоюзы пошли на резкое размежевание с ними. Можно согласиться с мнением Виктора Костюковского, что «рабочего движения в его прежнем, демократическом виде сейчас уже практически не существует» («Известия», 1995, 20 января). Рабочее движение становится все более оппозиционной «демократии во власти» силой. И поэтому контакты с этой силой активно стараются наладить как коммунисты, так и националисты. Если раньше алиянс коммунистов в рабочей среде было ничтожным, то теперь, по словам уже цитированной выше Людмилы Алексеевой, тенденция к росту коммунистических настроений устойчива. Среди свободных профсоюзов появились даже фашистские. «Большинство из тех, с кем мне приходилось общаться, — подчеркивает Л. Алексеева, — находится в шоке от результатов приватизации. Почти все работники промышленных предприятий (а это 80% работающего населения страны) ис-

пытывают чувство подрачной спиритуальности». В то же время, замечает автор статьи, «наша интеллигенция по-прежнему испытывает к рабочему движению сильное недоверие. Большинство моих московских друзей не знают этой среды и боятся ее». Я не стал бы отождествлять всю российскую интеллигенцию со столичным болонлом. Но что касается последнего, то наблюдения Л. Алексеевой весьма точны. От себя могу добавить лишь, что кастово-элитарный дух, царящий среди замкнутой московской тусовки «демократической интеллигенции, заставляет ее с предубеждением относиться не только к рабочему движению, но и ко всем другим социальным группам, которых она инстинктивно боится. И по отношению к казачеству, зарубежным русским, провинциальной глубинке, пенсионерам и ветеранам, к армии у «паркетных демократов» существует стойкая «презумпция реакционности» и стремление немедленно записать многие социальные группы во «врагов демократии». Происходит отталкивание и «выпихивание» этих групп в лагерь оппозиции, чем и доказывается изначальная «правота» утверждений об их «генетической реакционности». А поскольку кроме околоэкономкультурной интеллигенции существует еще и люмпен-интеллигенция с экстремистскими наклонностями крайне левого или крайне правого толка, то именно последняя и возглашает, как правило, социальные группы и движения, отвергнутые не в меру брезгливой «демократической элитой». Когда в марте 1994 года представители бурлящей Воркуты во главе с председателем Независимого профсоюза воркутинских горняков Никитой Шульгой попытались в Москве попасть на аудиенцию в администрацию президента, в правительство, в Минфин, они всезде получили от ворот поворот. Люди, которых мы поставили у власти, — сказал Никита Шульга, — отвернулись от нас и плонули нам в лицо» («Известия», 1994, 22 марта).

Вслед за констатацией этого факта вполне логично последовал призыв к политической забастовке с требованиями отставки правительства и перевыборов президента. И хотя от встречи с искавшим свидания Жириновским делегация горняков уклонилась, в традиционно демократическом Независимом профсоюзе горняков выделилось антиреформаторское «воркутинское» крыло во главе с Никитой Шульгой, а городской рабочий комитет Воркуты стал коммунистическим. «Демократы» сами отбросили своих союзников из рабочего движения в ряды оппозиции, способствуя образованию в среде свободных профсоюзов коммунистического и националистического флангов. Непреодолимая ранее аллергия профсоюзного движения на коммунистов в последнее время сменилась определенной заинтересованностью. Появляются социальные предпосылки для усиления позиций в рабочем движении тех коммунистических организаций, которые не слишком отягощены ортодоксальным наследием. Например, профсоюз «Задача» раньше был с Антильным, и теперь тяготеет к Зюганову. Среди рабочих растет ностальгия по прошлому: согласно опросу ВЦИОМ, доля тех, кто предпочел бы снова жить так, как мы жили до 1985 года, возросла с 45 процентов на начало 1993 года до 58 процентов на начало 1995-го.

Наряду с нарастанием прокоммунистических ориентаций отмечается — и не надо закрывать на это глаза — рост симпатий со стороны рабочих (особенно молодых) к фашистам. Причина усиления тяги к фашизму не в том, что «Россия сдурула», а в том, что «сдурили» люди, безо всяких на то оснований именующие себя «демократами», от чего это хорошее само по себе слово оказалось дискредитированным и обросло кавычками. Как сказал в беседе с корреспондентами «Известий» примкнувший к движению «Русское национальное единство» активист свободного профсоюза на череповецком АО «Северсталь» Игорь Каухальников, «все хотят демократии, но наши власти делают все, чтобы «Русское национальное единство» развалилось» («Известия», 1994, 11 мая). Не от хорошей, видать, жизни этот неглупый человек (и уж отнюдь не фашистский фанатик) примкнул к РНЕ. Через семь месяцев в новой статье все те же журналисты-известинцы пишут о Череповце: «И тем более важно разобраться, почему именно здесь так быстро прижился национализм. Скорее всего, демократы сами подготовили для него почву... Провинция шла за ними».

Но в их политике оказалось слишком много такого, что ее от них оттолкнуло.

Другой известинский корреспондент рапортует уже из Кузбасса: «И шахтеры идут на рельсы. Не только Транссиба — они, можно сказать, ложатся на рельсы российских реформ. Тех самых, которых ждали, которые выстрадали, за которые боролись пять лет назад, ради которых терпели снижение уровня жизни и не под-

давались на уговоры провокаторов». И националисты, понятно, уж тут как тут. «Поддержат ли их шахтеры? Еще полгода назад в этом можно было сомневаться. Теперь почти не приходится» (*«Известия»*, 1995, 20 января).

3

КСПР — Конфедерация свободных профсоюзов России (с осени 1994 года преобразовано в Национальное объединение российских профсоюзов — НОРП) во главе с Александром Алексеевым — третье по численности после ФНПР и СОЦПРОФи профобъединение. И численность этого свободного профсоюза постоянно растет: в апреле 1994 года — свыше 100 тысяч членов. В одном только Екатеринбурге — 18 ячеек. На октябрь того же года — уже 120 тысяч членов, пла-
тящих взносы согласно уставу. Классический пример резко попривыкшего и уси-
ленно фанатизирующегося свободного профсоюза с собственной политической пар-
тией — НТП (Национально-трудовая партия). В конце марта 1994 года Александр Алексеев подписал с лидером РНЕ Александром Баркашовым соглашение о со-
вместных действиях по формированию Национально-социального движения, а уже
через неделю после подписания соглашения, 31 марта, единство действий КСПР и РНЕ было успешно утверждено на Череповецком металлургическом комбинате
(АО «Северсталь»).

Акции эти наделали много шума, поспособствовав скачкообразному росту по-
пулярности КСПР — НОРП не только вследствие удачного для рабочих «Северстали» исхода трудового конфликта, но и благодаря сиючному характеру его
разрешения.

Здесь требуется «лирическое отступление» относительно взаимоотношений ра-
бочих и директората в современных российских условиях. Воодушевленный все-
властием на предприятиях и успешной «причастизацией» госсобственности, дирек-
торат российский полностью расправлялся. Сегодня он предпринимает все, чтобы
задавить рабочее движение в зародыше. «Едва организовавшаяся, насчитывающая
всего несколько десятков человек и еще не представляющая никакой угрозы проф-
союзам ячейка мгновенно подвергается репрессиям. Лидеры увольняются. И хотя
по закону уволить члена выборного органа профсоюза нельзя, бороться с админи-
страцией у людей, как правило, не вынуждает сил. Местные суды сажают и рядом вы-
ступают на стороне властей... Редкий профсоюзный активист избежал угроз по те-
лефону. Часто эти угрозы исполняются» (*«Молодой коммунар»*, 1994, 10 августа).

Нередко, и в этом весь ужас отечественной специфики, месть рабочими лиде-
ром распространяется и на их семьи. Как правило, ионки виновных оканчиваются
безрезультатно.

Подобная ставка директората на всякого рода неправовые методы решения
трудовых конфликтов впервые дала свой яркий результат на череповецкой «Северстали» в
мартес 1994 года, когда кося нашла на камень: рабочие на силу ответили силой. И
тут же с мастерами менеджерами произошла радикальная метаморфоза: начальство
согласилось обсуждать и решать все вопросы в интересах рабочих. Приехавший по
горячим следам череповецких событий в Тулу Александр Алексеев сообщил туля-
кам, что теперь директор «Северстали» и шагу не делает без оглядки на КСПР.
«Хотите, чтобы на туляцких заводах также жестко соблюдались права рабочих,
выступающих в name профсоюза», — призывал Алексеев (*«Известия»*, 1994, 26 апреля).

Кроме КСПР на «Северстали» действуют ФНПР и свободный профсоюз в со-
ставе АСПР (Ассоциация свободных профсоюзов России), но не их дедацю-про-
тивные методы защиты рабочих, а дерзкая, незаконная, с элементами насилия и
нуждения забастовка во главе с КСПР вынудила руководство комбината
индексировать металлургам зарплату. Примечательно, что накануне забастовки за
КСПР шло отнюдь не большинство рабочих «Северстали». Но лидер местной орга-
низации профсоюза Сергей Рябков приказал начальникам цехов прекратить рабочих. Прокатчики отказались подчиниться, но Рябков пригрозил им, что перекроет подачу воды прояката несуществующему, где люди вышли на рабочаги — и стан-150 был остановлен.

За председателем КСПР Александром директор был срочно послан в Москву
самолет. Алексеев, неделей раньше подписавший с баркашовцами соглашение о
единстве действий, прилетел в сопровождении охранников из РНЕ и быстро уло-
мал директора «Северстали» подписать с КСПР соглашение о социальном парт-
нерстве. Все требования забастовщиков были приняты директором к исполнению.

Баркашовцы действовали быстро и эффективно, попутно распространяя среди рабочих свою печатную агитпродукцию и вербую в свои ряды новых сторонников. Два месяца спустя в Череповце возник филиал РНЕ, а ячейки национал-профсоюза появились и на других предприятиях города. Сергей Рябков, бывший до этого всего лишь вожаком группки из нескольких сторонников национальной идеи в рабочем движении (отколовшихся от АСПР), превратился в лидера не только заводской но и городской организации НОРП (бывшей КСПР). Через месяц после забастовки в Череповце прилетела делегация прокоммунистического Воркутинского городского рабочего комитета. Как свидетельствует сам Сергей Рябков, «мы откровенно рассказали шахтерам о том, что намерены делать в союзе с баркашовцами. И они одобрили наше стремление внести русскую национальную идею в рабочее движение» (*«Известия»*, 1994, 11 мая). Союз между национал-профсоюзом «Северстали» и Воркутинским городским рабочим комитетом был скреплен юридически — в виде протокола о намерениях проводить совместные акции.

А ведь до своего провала перед объединенными силами КСПР и РНЕ череповецкий директорат делал ставку, как уже говорилось выше, исключительно на силовое подавление рабочего движения. Вот как характеризуют сложившуюся накануне забастовки ситуацию Сергей Рябков и два других активиста свободного профсоюза — Игорь Кахальников и Анатолий Малюков:

• *Малюков:* На «Северстали» создано подразделение охраны, которое подчиняется генеральному директору. Эти охранники обыскивают рабочих, врываются в раздевалки, лазят, никого не спросясь, по шкафам с одеждой. Есть факты, когда за территорией комбината хватали рабочих. Сегодня даже не члены свободного профсоюза изготавливают дубинки и все прочее, потому что творится беспредел. Мы будем принимать адекватные меры.

Кахальников: Когда организовали забастовку, мне было страшно из дома выходить, такая напруга против нас шла. Я боялся, что меня задержат охранники и забастовка сорвется... Вот здесь генеральный директор Липухин — он что хочет, то и творит, он здесь хозяин, ему нет оппозиции, нет силы, которая бы его уравновесила. А стабильность в обществе наступает тогда, когда соблюдается баланс интересов.

Рябков: Сила ломит силу. Рабочему движению необходима охрана. И Русское национальное единство нас защитит» (*«Известия»*, 1994, 11 мая).

Весьма показательное и страшное в своей правдивости заявление: легальные методы защиты рабочими своих интересов бессильны перед криминальным террором директората. Но обращение к тем же силовым приемам мгновенно выправляет ситуацию². Отсюда и далеко идущие выводы о тех методах, которые следует применять на будущее. Характерно, что к защите со стороны боевых отрядов РНЕ прибегают не только рабочие, отчаявшиеся найти законную управу на распоясавшуюся директорскую «охранку», но и мелкие предприниматели, страдающие от криминального террора. Боец РНЕ боятся московские рэкетиры и чеченская мафия. Поэтому под защитой баркашовцев оказываются и мелкая буржуазия, и рабочие. Вряд ли Баркашов сильно преувеличивал, когда в интервью, данном сразу после своего освобождения из тюрьмы в начале все того же марта 1994 года, сказал: «Рабочие большой части московских заводов симпатизируют нашим взглядам, там созданы первичные ячейки РНЕ» (*«Московские новости»*, 1994, № 10). Виноваты ли в своих профашистских симпатиях эти «несознательные» рабочие? Когда государство не защищает от криминального произвола, начинают искать силу на стороне. Вот рабочее движение и правеет (или «краснеет»), а свободные профсоюзы все более политизируются не в демократическом, а в фашистском направлении.

Нападения на рабочих лидеров и даже убийства, террор партикулярных наемных «армий» предпринимателей против рабочих и вооруженное противодействие этим «армиям» со стороны рабочих отрядов... Все это напоминает обстановку в США в конце XIX века. Вот что пишет об этом один из военных историков: «Фор-

² «Лояльность» директората того же АО «Северсталь» была, по-видимому, временной. Оправившись от испуга, менеджеры провели среди сотрудников правоохранительных органов Череповца столь тотальную мобилизацию в свои «силовые структуры», что в городской прокуратуре остался единственным следователь (к вящей радости местных уголовников). Все прочие дружно перешли работать в АО «Северсталь». Там им платят в семь раз больше и даже посыпают «на стажировку» в дальнее зарубежье (*«Известия»*, 1995, 20 июля).

мировались вольнонаемные военизированные отряды по охране частных предприятий — заводов, рудников и поместий (ранчо); применяли оружие против граждан: эскадроны ковбоев, милитаризованные штрайкбрехеры («скэбы») и сыщики; практиковалась продажа на частном рынке пулеметов, боеприпасов, бронеавтомобилей и даже пушек; появились сторожевые озерно-речные флотилии трестов и частных промыслов. 2 августа 1882 г. сенатор Пальмер с трибуны Конгресса предупреждал об опасности узаконения «военного партикуляризма — частнонаемных войск» и свободной торговли оружием. Но оппоненты Пальмера возражали, ссылаясь на размах боевых действий против забастовщиков¹.

Американские реминисценции перемежаются итalo- и германофашистскими: ранний фашизм, фашизм как движение (а не как режим) — это гремучая смесь популизма, революционного синдикализма и национализма, круто замешенная на антикапиталистической демагогии. Радикальный и близкий к социализму «левый фашизм» — итальянский сквадризм, «нацистская левая» в Германии. Разгромленные впоследствии фашистским руководством, ставшим у власти, они первоначально сильно способствовали становлению нацистского режима, приведя под его знамена значительные отряды рабочего класса. Расплата за нанесенность наступила потом, а вначале Муссолини и Гитлер очень дорожили «левыми фашистами». Вот и в России сейчас складывается очень тревожная ситуация. Фашистам нужна массовая база в рабочем движении, его организационные структуры и профсоюзные деньги. Национал-профсоюзникам нужны боевые отряды РНЕ, его отлаженный механизм — и опять же деньги. Общероссийский лидер НТП и НОРП в одном лице — Александр Алексеев, чья штаб-квартира находится в Москве. На местах же региональные отделения НТП и НОРП возглавляются разными лицами, но взаимодействуют теснейшим образом. Чисто внешне руководство НТП и раньше пытались дистанцироваться от РНЕ: слишком эпатирующее выглядят символика и риторика баркашовцев. НТП не одобряет стилизованную свастику, культ Гитлера, русский расизм. «Программа же НТП намного мягче по выражениям и как бы более привлекательна по целям — бороться не за Россию только для русских, а Россию для всех россиян» («Известия», 1995, 4 июля). «Нас обвиняют в нацизме, — жалуется А. Алексеев, — но как можно об этом говорить, если трудовые коллективы повсеместно многонациональны? Совместная декларация с РНЕ касалась привнесения в массы русской национальной идеи, в остальные дела Баркашова мы не ввязываемся» («Мегаполис-Экспресс», 1994, № 37). На своем последнем форуме НОРП и вовсе отреклось от связи с баркашовцами. Является ли этот разрыв чисто формальным, или же за ним стоят действительно глубинные расхождения, покажет будущее.

Вместо любимых баркашовцами германо-нацистских аксессуаров и идей руководителей НТП больше привлекает не столь скомпрометированное наследие итальянских фашистов: их символ — черный факел в белом круге на красном фоне, а как руководство к действию — написанная Муссолини «Хартия труда». Идеологическая основа — корпоративизм. Напомню, что в Италии именно по настоящему фашистских профсоюзов (вопреки воле предпринимателей) был введен обязательный разбор трудовых конфликтов в промышленности. НТП также поставила своей целью построение государства на принципах «социального партнерства». «Только русская национальная идея, замешенная на корпоративизме, спасет наш вымирающий народ», — заявил А. Алексеев в Туле в апреле 1994 года («Известия», 1994, 26 апреля). В своем интервью корреспонденту «Мегаполис-Экспресс» он еще раз категорически подтверждает: «Наша цель — корпоративное государство». «Меня недавно называют фашистом, — говорит Алексеев. — Но что такое фашизм? В моем понимании, он начинается с внедрения теории социального партнерства, когда работодатели объединяются в ассоциации, рабочие — в профсоюзы и договариваются между собой, минуя «институты демократии». Фашизм строится на консенсусе. Первые социальные институты, к примеру по охране материнства и детства, в Италии сложились при Муссолини».

Основные идеологические позиции НТП — НОРП: организация небюрократических профсоюзов; «создание нормальных рыночных отношений, где останется в том числе государственная собственность и будут хорошо работать защитные механизмы для трудящихся» (А. Алексеев). Но главные столпы веры национал-проф-

¹ Скопин В. И. Милитаризм. М. 1957, стр. 39 — 40.

сюда и — это, во-первых, соединение социальной и национальной идей (А. Алексеев: «защита интересов рабочих невозможна без защиты национальных интересов») и, во-вторых, соответствующий активизм, идея «прямого действия». Как признался А. Алексеев, «нас используют иногда в роли «тиранов», когда нужно действителько что-то «пробить» для рабочих». Если во время всероссийской акции протеста профсоюзов против ухудшения жизни трудящихся 27 октября 1994 года, проведенной по призыву ФНПР, та же самая ФНПР устами своего председателя М. Шмакова призывала сторонников ограничиться только экономическими требованиями, добиваться строго в рамках закона (в чем с ходу оказалась полностью согласен председатель Всесоюзной конфедерации профсоюзов В. Цербаков), то с иными настроениями выходил своих людей на улицы Александр Алексеев. Он отверг форму пассивного сопротивления и призвал «подкрепить требования к правительству выплатить задержанную зарплату активными действиями — от остановки производств до актов гражданского неповиновения» («Известия», 1994, 21 октября). Все выражено в стиле известной книги крупнейшего французского апарто-синдикалиста Жоржа Сореля «Размышления о насилии», в котором смешались вспоминания Маркса, Прудона и Ницше. Проповедуемая в этой книге (оканчившей большую «линию на Муссолини — по приглашению самого «луче») синдикалистская теория «прямого действия» рассматривает экономическую борьбу пролетариата как дело второстепенное, а первостепенным признает непосредственную атаку на предпринимателей: бойкот, стачки, саботаж. «Пролетарское насилие, — писал Жорж Сорель, — осуществляется как чистая и простая манифестиация чувства классовой борьбы, представляется, таким образом, делом прекрасным, в высшей степени германским; оно служит интересам цивилизации»⁴. Другая книга Сореля, «Социалистическое будущее синдикалов», положила начало существованию революционного синдикализма как самостоятельного течения. Вскоре революционный синдикализм стал одной из шахматных составляющих итальянского фашизма на его начальной стадии развития.

Тема «пролетарского насилия» звучит и в антиноменклатурных призывах к люстрации. Череповецкий лидер НОРП Сергей Рыбков здесь категоричен: «Необходим запрет на профессию для бывших партийных функционеров, которую по-прежнему практикуют, сменив окраску. Только сила может заставить коммунистическую номенклатуру уйти с руководящих постов» («Известия», 1994, 11 мая). Честно говоря, весьма злобно, но мой взгляд, требование. Это бы радикальным демократам на вооружение принять — не было бы тогда, быть может, и профашистского дрейфа в рабочем движении.

Справедливы, если говорить абстрактно, и другие требования национал-профсоюза, вот только инкорпорированы они в Фашистскую систему взглядов, а посему и акценты в этих требованиях рассставлены соответствующие. Взять хотя бы близкую всем тему борьбы с уличной преступностью. Еще до появления КГБ на российском горизонте череповецкая газета «Речь» напечатала письмо читателя, оповещавшего земляков, что он вместе с товарищами собирается создать организацию «Меч» для внесудебной расправы с преступниками. Как комментировала впоследствии все это газета «Известия», «способ борьбы простой: поймали хулигана — избили до полусмерти, поймали вора — отрубили руку, поймали насильника — кастрировали». Отклики на это письмо газеты печатались в течение нескольких недель. Когда читалось их, становится страшно. Череповчане из того широчайшего слоя, который называют рядовыми гражданами, приняли эту дикую идею на ура, а многие даже изъявили готовность перечислить на счет беззаконного «Меча» свои трудовые рубли («Известия», 1993, 10 августа).

Прошло немногим более года с момента публикации в Череповце этого письма, как члены череповецкого НОРП приступили к регулярным тренировкам в секции боевых искусств. «Нам нужны сильные рабочие дружин, способные очистить город от всякой мрази», — заявил Сергей Рыбков. Воистину, карта выбрана беспроигрышная, ибо импотенция МВД в деле обеспечения порядка на улицах давно уже стала притчей во языцах. «Боевые дружины у нас нет, — умиротворяюще говорят МОСХОВЕЦКАЯ ЛДДР НОРП Алексеев. — Просто мы возрождаем традицию обеспечения порядка на улицах, в своем микрорайоне силами самих рабочих. На передел властей и администрации предприятий приходится отвечать адекватно» («Мегаполис-Экспресс», 1994, № 37).

⁴ Sorel G. Réflexions sur la violence. Paris, 1912, p. 182.

Защита интересов российских рабочих на рынке труда и российских предпринимателей на рынке продукции принимает в интерпретации НОРП явный оттенок ксенофобии. «Кто, кроме русских, больше всего ущемлен? — задается вопросом Сергей Рябков. — Нам в Череповце грозит безработица, а китайцы у нас работают. И с оплатой у них порядок. Мы вопрос поставили перед властями: раз коренным жителям работы не предвидится, то зачем здесь китайцы и вьетнамцы? Пусть слут к себе и там работают» («Известия», 1994, 11 мая). Своему череповецкому коллеге вторит из Москвы Александр Алексеев: «Стонг только вспомнить, как мы противодействовали прибытию на российские нефтепромыслы канадских рабочих, которые стали отнимать у наших рабочих места» («Мегаполис-Экспресс», 1994, № 37). Та же самая позиция у А. Алексеева и применительно к так называемому «этническому предпринимательству»: «Нацмены из мафиозно-коррумпированных кланов де-факто нарушили суверенитет и территориальную целостность России» («Известия», 1994, 26 апреля).

Сейчас региональные ответвления НОРП активно действуют на севере России — в Вологодской, Ивановской, Тверской областях, на Урале — в Екатеринбурге, на юге — в Ставрополе, в республиках Дагестан, Тыва, Башкортостан. В Москве и Московской области они, по признанию самого А. Алексеева, представлены очень слабо.

Обращает на себя внимание военное прошлое лидеров НОРП — НТП. Сергей Рябков — бывший офицер Северного флота. Руководитель регионального отделения НТП на Урале Сергей Колесников учился в Рязанском высшем воздушно-десантном училище одновременно с генералом Грачевым. Активисты РНЕ, бывшие до недавнего времени наставниками НОРП, ориентировали национал-профсоюз на поиск симпатий у военных и работников спецслужб.

В заключение хотелось бы сказать вот о чем. Обличая фашизм — в истории и современности, — как-то забывают упомянуть про то, что унаследовало для него почву: «парламентский кретинизм» и волевой паралич веймарских демократов явно перекликается с действиями демократов наших. Ни одной стране мира не удавалось еще выбраться из исторического тупика без помощи патриотической идеи, а тем более вопреки ей. А у нас пытаются проводить радикальные реформы под лозунгом «патриотизм — последнее прибежище негодяев!» И когда это не удается, а в роли «негодяев» оказывается подавляющая часть населения, наиболее дальновидные из «демократов» спохватываются и стремятся как-то «utiлизировать» идею патриотизма, вырвав ее из рук правых экстремистов. Но время упущено. Да и сама затея с «utiлизацией» обречена. Патриотизм нельзя «utiлизировать». И не его вина в том, что усилиями «демократов» он оказался в черно-красных одеждах ультраправых и ультралевых. Это расплата за пятилетие ошибок, за наплевательское отношение демократов к интересам большинства. Вот только расплачиваются за эти ошибки будут не они, а многострадальное большинство. Если же либерализм и демократия органично сольются с патриотизмом, родится новая политическая сила, которая только и способна выволочь Россию из бездны, подобно тому как попытался вывести ее великий П. А. Столыпин после первой революции — из мглы анархии, пораженчества и террора.